

На ухабах истории

К 100-летию большевистского Октября

© Мухачев В. В.

© Mukhachev V.

На ухабах истории. К 100-летию большевистского Октября

On the bumpy road through history. The 100th anniversary of the Bolshevik October

Аннотация. Показана невозможность достичь предложенного обществу либеральной властью политического компромисса в оценке большевистской революции 1917 г. Этот компромисс невозможен ни в нравственном, ни в научном отношении, поскольку любая попытка закрыть глаза на Октябрьскую революцию как результат классовой борьбы, чем занимаются сегодня с одобрения власти многие представители официальной науки, состоящей на службе у постсоветской буржуазии, несовместима с реальностью.

Annotation. The article refers to the inability to achieve the proposed liberal government is a political compromise in the evaluation of the Bolshevik revolution of 1917. This compromise is not possible, neither in a moral nor in a scientific sense, as any attempt to “close” eye on the October revolution as a result of the class struggle, what you do today with the approval of the government, many representatives of official, being at the service of the post-Soviet bourgeoisie, science, dooms the search for truth in this case, the creation of ideological perishable products.

Ключевые слова. Наука и идеология, факты и «мнения», классовая борьба и нравственная ответственность ученого, «пролетарская» и «буржуазная» наука.

Key words. Science and ideology, facts and “opinions”, the class struggle and the moral responsibility of the scientist, “proletarian” and “bourgeois” science.

Близится 100-летие Октябрьской революции. Ее годовщина последний раз достойно, как того требует всемирно-историческое значение этого события, на родине Великого Октября отмечалось 30 лет назад, незадолго до распада СССР.

В октябре 1993 г., после расстрела из танков «Белого дома», государственная власть полностью перешла в руки сторонников возврата России в «мир капитала» или, иначе говоря, «нормального капитализма для каждого» [18].

В течение 25 лет после роспуска СССР либеральная политико-пропагандистская машина делала все, чтобы, фальсифицируя до неузнаваемости реальный образ Октябрьской революции, вытравить его из сознания россиян. Ради этого Государственной Думой в конце 2004 г. был принят закон о лишении дня 7 ноября статуса государственного праздника и наделении им 4 ноября, который впредь было велено считать

Днем народного единства. Однако накануне 100-летнего юбилея Великого Октября либеральная власть впервые за всю историю постсоветской России решилась отметить это событие официально, с участием политического бомонда.

1 декабря 2016 г. в ежегодном послании Федеральному Собранию Президент РФ сказал: «Наступающий 2017 год — год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революций в России. Не только для историков, ученых — российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий» [17].

Объективный анализ прошлого и настоящего или идеологический компромисс власти и общества?

Власть, возникшая в России из отрицания социализма (коммунизма) и сама ставшая таким отрицанием в проводимой ею политике строительства капитализма, может относиться к социалистической революции 1917 г. лишь отрицательно. Поэтому принятое ею решение отметить 100-летие большевистской революции стало для нее вынужденным, а по содержанию — двусмысленным.

Грубые стратегические просчеты, допущенные в 1990-е гг., в период перехода страны к «рыночной экономике», не по уму амбициозными и недальновидными политиками ельцинского «призыва», до сих пор мешают строительству «нормального капитализма для каждого», какового, увы, в природе не существует [15. С. 37]. *Нормальный* капитализм — это тот, где меньшинство живет и богатеет за счет большинства.

В конце 2016 г. Credit Suisse опубликовал доклад о мировом благосостоянии, из которого следует, что у 28 млн взрослых россиян размер личных активов не превышает 248 долларов, и по числу таких «состоятельных» людей Россия находится между Индонезией и Эфиопией [19]. Вместе с увеличением числа бедных в постсоветской России продолжает расти концентрация богатств, в результате чего в руках немногочисленной прослойки «самых богатых» находится 89% всего благосостояния страны — выше, чем в США (78%) или в Китае (73%). Эти данные Credit Suisse подтверждаются одной из крупнейших в мире консалтинговых компаний Capgemini, согласно которой 62% богатств России находится в руках долларовых миллионеров и 26% — у долларовых миллиардеров.

Следствием аномальной социально-экономической ситуации становится рост числа резонансных трудовых конфликтов, которые выливаются в пикеты, забастовки и протесты. По данным Центра экономических и политических реформ, за июль—декабрь 2016 г. их было зарегистрировано на 157 больше, чем в первой половине года. В целом за 12 месяцев прошлого года количество конфликтов, связанных с задержками и снижениями зарплат, массовыми сокращениями работников или переходами предприятий на неполное рабочее время, достигло 1141. Из них 207 вылились в массовые акции с отказом людей выходить на работу и с объявлением голодовок [26].

Одновременно с обострением проблем внутри страны выяснилось, что природа противоречий между Россией и странами «передового» капитализма глубже, чем это представлялось неолиберальным политикам 1990-х. В то же время очевидные успехи КНР в развитии народного хозяйства, превратившие эту страну, возглавляемую *коммунистической* партией, в «фабрику мира» и обеспечивающие ей крепкие позиции в мировой экономике, наглядно показали, сколь много пустого, наносного и неумного было и остается в антикоммунизме постсоветских либералов.

Теперь и у нас всем, кроме разного рода *чубайсов, ясиных и кудриных*, уже стало ясно, что в «мире капитала», куда они возвратили Россию, говоря словами премьер-министра Великобритании середины XIX в. Пальмерстона, «нет друзей, а есть только национальные интересы», или, что точнее, интересы собственников капитала. Ради прибыли в этом мире идет постоянная классовая война с противостоящим буржуазии пролетариатом, о чем применительно к современному этапу развития капитализма пишет известный американский лингвист и политический публицист Н. Хомский [25; 27]. Война идет за ресурсы, свободные рынки и ложи «VIP» на политическом Олимпе, места в которых способствуют в этой борьбе процветанию одних за счет других. Все это задолго до Хомского можно было узнать из социалистической литературы XIX—XX вв.; но либералы — плохие ученики.

Сегодня, когда властям России приходится искать сотрудничества с «коммунистическим Китаем», где на протяжении десятилетий чтят Великий Октябрь и Ленина, было бы, по меньшей мере, неполиткорректно не заметить 100-летнего юбилея большевистской революции.

Принятое властью решение о проведении юбилейных мероприятий оказалось двусмысленным из-за ряда *внеаучных*, отражающих политические задачи нынешней власти оговорок, которыми сопровождалась задача «объективного и честного» анализа истории 1917 г.

В декабре 2016 г. на заседании президиума «Российского исторического общества» (РИО), которому президент страны поручил подготовить и провести юбилейные мероприятия, его председатель С. Нарышкин главным уроком революций 1917 г. назвал «умение не допускать крайнего раскола в форме гражданской войны» [21]. Представитель администрации президента П. Зенькович фактически выступил как цензор и заявил, что дискуссии вокруг революций 1917 г. «должны соотноситься с мнением, которое выработает РИО».

Своими оговорками и установками власть предложила обществу политико-идеологический компромисс между научным анализом истории 1917 г. и решением ею проблемы «социального мира» в постсоветском, экономически и социально разнородном, обществе. Между тем при поиске объективной истины никакие компромиссы, в отличие от политики или бизнеса, невозможны.

Желаемого властью компромисса в отношении октябрьских событий 1917 г. внутри российского общества достичь не удалось даже в этой, экономически и социально далекой от народа, аудитории. Зам. председателя ЦК КПРФ Д. Новиков выступил против формулировки «100-летие революции в России», в связи с чем руководство компартии по случаю

100-летия Октябрьской революции создало свой «юбилейный комитет». Вице-спикер ГД И. Лебедев, наоборот, заявил, что для ЛДПР «это не праздник, а траур», и что его партия проведет «ряд мероприятий, разблачающих истинную подоплеку этого события».

Вслед за политиками «истинной подоплекой» Великого Октября уже озаботились профессиональные обществоведы, журналисты и кинорежиссеры. В ближайшие месяцы об Октябрьской революции, большевиках и коммунистах, а также истории СССР снова, как во времена перестройки, будет немало сказано, написано и снято разного — не только взаимоисключающего, но и внутренне противоречивого. И, как всегда в таких случаях, это во многом будет зависеть от личности пишущего, говорящего и снимающего, от его теоретической подготовки и нравственности, способности добраться до сути познаваемого, не роняя своей профессиональной чести и достоинства.

Классовая борьба и наука

У каждого человека есть право иметь
собственное мнение, но не собственные факты

Д. Мойнихэн, государственный деятель США

Слова американского сенатора и эксперта по расовым и этническим отношениям Д. Мойнихэна, ставшие на его родине афоризмом, с материалистической точки зрения проводят гносеологическую грань между наукой и идеологией. В первом случае ум человека учитывает все ему доступные факты объективной реальности, что позволяет получать постоянно уточняемое и при существующих условиях познания предельно точное знание объективной реальности, в чем и заключаются цель, суть и предназначение науки. А во втором — отталкивается только от соответствующих его взглядам событий и эпизодов истории, после чего вырабатывает «собственное мнение», в котором действительность неизбежно предстает в искаженном виде. Это и есть разновидность идеологии, которую К. Маркс определял как «превратное», «иллюзорное» или «ложное» сознание.

Результаты познавательной деятельности людей зависят не только от их природных задатков или уровня образования и объема знаний, но также от присущих им нравственных качеств, определяющих жизненную позицию. Можно быть человеком высокой нравственности, — но верхоглядом и дилетантом. А можно иметь обширные и глубокие знания, — но при этом быть «практичным», всегда заботящимся в первую очередь о самом себе человеком. О таких Маркс говорил: «Я смеюсь над так называемыми “практичными” людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о собственной шкуре» [8. С. 48]. Чтобы не «быть скотом», необходимо, как бы это ни было трудно, бороться со скотством окружающей жизни, преодолевая официальную точку зрения экономически господствующего класса и его власти, выступающей от имени существующего государства.

Прежде чем стать идеологией, «наука буржуазии» во времена революционной молодости этого класса не была псевдонаукой и вполне соот-

ветствовала критериям научного знания того времени. Маркс признавался: «Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов» [11. С. 454].

О точке зрения революционной буржуазии на классовую борьбу, условиях ее возникновения и теоретическом значении для пролетарской науки (марксизма) писал и Ф. Энгельс: «Со времени введения крупной промышленности, то есть по крайней мере со времени европейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уже не было тайной, что центром всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: земледельческой аристократии (land aristocracy), с одной стороны, и буржуазии (middle class) — с другой. Во Франции тот же самый факт дошел до сознания вместе с возвращением Бурбонов. Историки периода Реставрации, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков. А с 1830 г. в обеих этих странах рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство». И далее: «Отношения так упростились, что только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновении их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории, по крайней мере в указанных двух самых передовых странах» [28]. Свои рассуждения Энгельс закончил следующими словами: «Таким образом, по крайней мере для новейшей истории, доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за свое освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму, — ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая, — ведется в конечном счете из-за освобождения экономического» [28].

Все, что было в буржуазной литературе о классах и классовой борьбе «научного», марксизм взял и, подвергнув диалектико-материалистическому анализу исторические реалии XIX в., создал цельное учение, охватывающее все стороны жизни людей в классовом обществе. С тех пор суждение «история человечества последних тысячелетий во многом была и остается историей борьбы классов, возникших из разделения труда в обществе и развития института частной собственности», стало трюизмом. Однако этот фундаментальный исторический факт уже давно не находит себе места в речах буржуазных политиков и книгах внимающих им теоретиков. Не вспоминают о нем и постсоветские идеологи, от руководства страны до журналистов буржуазных СМИ. Объяснение такой «невнимательности» все то же: «бытие определяет сознание».

Поворотным пунктом в смене политической и теоретической позиции буржуазии в отношении классовой борьбы стал факт самостоятельных выступлений рабочих, которые со второй трети XIX в. начали выдвигать собственные политические требования и предъявлять их власти (чартизм в Англии, вооруженное восстание французских рабочих буржуазно-демократической революции 1848—1850 гг.). Отныне буржуазия не только постаралась забыть о «грехах» своей революционной молодости, но провозгласила «классовый мир» внутри нации своей главной политической задачей. В марте 1852 г. будущий английский премьер-

министр Дизраэли, назначенный незадолго до этого министром правительства тори, заявил: «Мы постараемся положить конец этой классовой борьбе, оказавшей в последние годы такое пагубное влияние на благополучие нашего королевства» [12. С. 426—427].

Столкнувшись лицом к лицу со своим, по законам собственного способа производства ею же самой вызываемым к жизни, классовым противником, буржуазия превратилась в консервативную, противостоящую дальнейшему развитию истории и «делу свободы» силу, а ее теоретики стали идеологами, апологетами этой силы. Так в изучении истории общества возникла ситуация, когда стали жить, каждая своей жизнью, две науки — «буржуазная» и «пролетарская».

Столкнувшись лицом к лицу со своим, по законам собственного способа производства ею же самой вызываемым к жизни, классовым противником, буржуазия превратилась в консервативную, противостоящую дальнейшему развитию истории и «делу свободы» силу, а ее теоретики стали идеологами, апологетами этой силы.

Первая получила официальное признание, была поставлена господствующим классом на довольствие и, превратившись в казенную науку, принялась отрабатывать свой паек, обменивая на него нравственные принципы «человека науки». Это превратило ее в псевдонауку — ту наукообразную идеологию, где цель поиска объективной истины изначально, «по умолчанию» обременена вненаучными мотивами служения «хозяину».

Если во времена своей революционной молодости, дав начало Просвещению, буржуазия боролась с церковью и господствовавшими в обществе религиозными догматами, то сегодня ее теоретики вынуждены писать о «поминках по Просвещению» [3], а либеральная власть постсоветской России ищет в религии оправдание и в церкви — опору своей политике. Главный же либерал-демократ страны В. Жириновский предупреждает власть об опасности для нее качественного образования россиян [4].

Пролетарская наука зарождалась из демократической оппозиции будущих создателей марксизма *буржуазной* псевдонауке и в нравственном отношении была безупречной. Доктору Марксу было 23 года, когда, столкнувшись с преследованиями коллег из Боннского университета за «вольномыслие», он отказался от намерения быть университетским профессором. Энгельсу было 24 года, когда он пришел к выводу, что «наука как источник дохода и свободная наука, свобода преподавания и факультетские статусы противоречат друг другу» [12. С. 423]. В «Манифесте Коммунистической партии» они, отметив, что «в ледяной воде эгоистического расчета» буржуазия «потопила священный трепет религиозного

экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности», лишь констатировали очевидный факт наступившей эпохи: «Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников» [14. С. 103].

Едва возникнув, «пролетарская» наука была предана буржуазией остракизму, стала жить впроголодь, — но зато осталась свободной в нравственном выборе ее приверженцев и познании ими объективной реальности. Благодаря этому, а также неумному желанию дойти до сути происходящего, помноженному на интеллектуальную мощь и огромную работоспособность своих выдающихся теоретиков, она в лице лучших из них (Маркса, Энгельса и Ленина в первую очередь) поднялась на гносеологически самую высокую из всех точек познания.

Марксизм стал наукой не потому, что выступил в защиту интересов пролетариев, а наоборот, он стал теоретическим обоснованием точки зрения этого класса людей благодаря своей в научном отношении безупречной гносеологии. Опора на *общенаучный* метод познания, которым стал вобравший в себя материалистическое понимание истории диалектический материализм, через анализ действительной общественной жизни и социальной структуры классового общества неизбежно приводит к пониманию фундаментального фактора. А именно того, что в новейшей истории интересы только «пролетариата» как класса, который своим трудом обеспечивает существование всех и каждого и которому «нечего терять, кроме своих цепей», отвечают потребностям дальнейшего развития человечества, в силу чего *подлинная* наука обязана стоять на точке зрения *этого* класса.

Наукообразная идеология и «МОЗГ НАЦИИ»

Ты — это твои действия, и нет другого тебя.

А. де Сент-Экзюпери. «Маленький принц»

Более 170 лет идет теоретическая борьба между теми, кто верен духу науки и гносеологии марксизма, и теми, кто, выполняя социальную функцию теоретических «лакеев буржуазии» (Ленин), лишь играет в науку на поприще наукообразной идеологии, закрывает глаза на классовую борьбу, бежит от материалистической истории и опирается на идеалистическую методологию познания.

Кто же эти горе-теоретики? Все они — выходцы из так называемого «образованного общества», той его части, которая гордо называет себя *интеллигенцией* и кичится этим, забывая, что при капитализме все они — «платные наемные работники буржуазии». Относясь к мелкой буржуазии, эти люди являются *той* частью этого класса, которая из исторически сложившегося общественного разделения труда на физический и духовный извлекает для себя социальные преимущества.

Разумеется, сказанное о буржуазной науке и ее теоретиках имеет прямое отношение к официальному (казенному) общественно-научному познанию постсоветской России. Так, историки, которым, обнаружив теоретическую вакханалию в их учебниках, президент поручил в 2013 г. подготовить единую концепцию прошлого России, создали далекий от материали-

стического взгляда на историю «историко-культурный стандарт» [16], где *первыми* заговорили о «Великой российской революции 1917 г.», опустив в этом названии слова «Октябрьская» и «социалистическая». А чтобы снять с себя ответственность за свой скоропортящийся идеологический продукт, утвердили этот «стандарт» у президента.

Обходит сегодня стороной вопрос о делении общества на классы и классовой борьбе и научный директор Российского военно-исторического общества М. Мягков, который в интервью газете «Ноев Ковчег», рассуждая о 1917 г., вещает: «Глубинная причина раскола страны в том, что для одних старый мир и порядок со своими ценностями, идеалами, культурой рушился, и они старались его сохранить. А другим терять было нечего, и они стремились построить новый мир, в котором жилось бы хорошо всем, и сражались за него, отрицая мир старый» [2]. Приемлемое из уст бытописателя, смотрящего на мир глазами художника, в устах специалиста по истории вызывает вопросы о его квалификации и жизненной позиции.

Той же дорогой, обходя проблему классовой борьбы, идет главный научный сотрудник Института российской истории РАН В. Булдаков: «Причина революции лежала не столько в области экономики и социального положения, сколько в психологии восприятия того и другого... Подлинный прогресс может быть только эволюционным... Основой его является совершенствование самого человека» [1]. Такими же словами, отводя глаза в сторону от общественного бытия и рассуждая об эволюции и совершенствовании человеческой «природы», увещевали революционную буржуазию служители церкви и другие идеологи *реакционной* феодальной аристократии в XVII—XVIII вв.

Не случайно достаточно самостоятельный в своих суждениях публицист В. Третьяков в статье «Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года» заявил: «...неразумно и несправедливо отдать этот юбилей и само событие на откуп историкам. В большинстве своем сегодня, как и всегда, историки... идеологически ангажированы» [23].

Не менее ангажированы властью представители других отраслей официального общественнознания постсоветской России. Среди социологов немало тех, кто, исследуя социальную структуру постсоветской России, тоже обходят классовый антагонизм. Еще больше таких «специалистов» среди политологов и правоведов, которые не желают и не умеют опускаться до экономических корней политической жизни, а предпочитают рассуждать о «философии» политики и права, словно надеясь превзойти Гегеля. Вот почему анализ мировой и российской политики *экономистом* М. Хазиным [24; 25] *весомее* десятков чисто политологических исследований. Но и среди экономистов, чей предмет познания имеет непосредственное отношение к *материальному* «телу» общественной жизни, наблюдаются мировоззренческая сумятица и разброд. Свидетельством того служит, например, заимствованное у Запада направление «институционализма», отбросившее в сторону материалистическую заповедь Маркса, согласно которой история людей есть «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [13. С. 426—427]. А на место конкретных, эмпирически существующих людей поставлены

безжизненные «институты», словно, взятые в отрыве от живого человеческого материала, они сами по себе на что-то способны. Это не более, чем очередная уловка буржуазной науки, чтобы уйти от вопроса существования классов и классовой борьбы.

В идеологическое оболванивание населения капиталистических стран путем распространения ложных знаний, в том числе о социализме, большевиках и СССР, значительную лепту, вслед за идеологами-теоретиками, вносит журналистский корпус — те его представители, которые, являясь, как и «люди казенной науки», «платными наемными работниками» буржуазии, промышляют на поприще политической истории, прошлой и настоящей. Само существование такой журналистики объясняет, почему погибший в Донбассе оператор А. Клян любил говорить: «Оператор — не оратор». Большая часть «ораторствующих» на постсоветских телевизионных каналах и в прессе персон относится к разряду тех людей, кому посвятил свою книгу «Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги» известный немецкий журналист У. Ульфкотте. Работая 17 лет в одной из самых влиятельных немецких газет («Франкфуртер альгемайне») и даже исполняя обязанности советника правительства канцлера Г. Коля, Ульфкотте в своей книге мужественно признался, что сам «был лакеем». И, приведя неопровержимые, лично ему известные, факты, сообщил: «74 процента всех немецких журналистов охотно дают себя купить» [20].

Вся эта купленная буржуазией и ставшая ее идеологическим сословием самовлюбленная публика, обладающая повышенным самомнением и пониженным порогом нравственности, живет в «мире фраз» и «собственных мнений», в стороне от бытовой неустроенности, страданий и мук большинства человечества. И, создавая «литературу о литературе», мнит себя «интеллектуальной элитой», и, конечно, обижается на Ленина за то, что тот в письме к Горькому однажды сказал про нее: «На деле это не мозг, а г...» [7. С. 347]. Сказал грубо, но точно и справедливо.

Справедливо потому, что говорил не об интеллектуальных способностях этой публики, а о ее нравственной жизненной позиции. Она не позволяет повторить в их адрес горьковское «человек — это звучит гордо», а заставляет вспоминать слова французского аристократа, погибшего в борьбе с фашизмом, Антуана де Сент-Экзюпери, который свое стремление попасть на фронт объяснял так: «Лишь будучи активным участником событий, можно сыграть действенную роль... Нельзя говорить “мы”, когда стоишь в стороне. А если говоришь, тогда ты просто сволочь». Замечательные слова, которые следовало бы помнить каждому «интеллекту», особенно согласному с писателем Пелевиным, изрекшим после создания писателем Прилепиным добровольческого батальона на Донбассе: «Когда твои книги — го...но, приходится зарабатывать терроризмом».

На основании одной фразы, вполне заслуженной псевдонаучными идеологами, не нужно изображать Ленина — человека не только высокой нравственности, но и по-настоящему энциклопедического образования и выдающегося ума — врагом интеллектуалов. В том же письме к Горькому Ленин писал об «интеллектуальных силах» народа, которые необходимо отличать от буржуазных интеллигентов: «Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислужничать капиталу),

мы платим жалованье выше среднего. Это факт. Мы их бережем» [18. С. 48]. К тому же оценка Лениным «мозга нации» была направлена против пособников буржуазии, которые, относясь к «околокадетским» профессорам и писателям, были причастны к контрреволюционному заговору кадетов в Кронштадте.

Читать Ленина! Несколько замечаний и тезисов к истории Великого Октября и СССР

Латинская поговорка «post hoc non est propter hoc» («после того — не значит вследствие того») имеет прямое отношение к превратным представлениям либеральных умов, которые, путая причины и следствия, возлагают вину за любые невзгоды жизни людей при Советской власти в России и СССР на большевиков, Ленина и Октябрьскую революцию. Ранее такая путаница отчасти была связана с закрытостью архивов. Но уже к концу XX в. фактическая история Октябрьского переворота, Гражданской войны и Советской власти — от ее зарождения весной 1917 г. до уничтожения осенью 1993 г. — была изучена если не досконально, то достаточно полно и детально. В этом нетрудно убедиться, скажем, по хорошо документированной, свободной от произвольных оценок книге И. Ратьковского и М. Ходякова «История Советской России» (СПб., 2001).

Сегодня дело заключается уже не столько в поиске новых данных, сколько в понимании *логики* происшедшего и в оценке процессов, событий и личностей того времени на основе собранного добросовестными историками фактического материала. И здесь, наряду с добросовестной историографией и марксистской методологией анализа, не обойтись без обращения к научно-публицистическому наследию В. И. Ленина, которое является важнейшим документом той эпохи. Ведь в книгах, статьях, выступлениях и письмах вождя Октябрьской революции и первого руководителя Советского государства постоянно фиксировался, анализировался и с марксистской точки зрения оценивался ход истории того времени и действия ее участников (классов, слоев, политических партий и отдельных личностей) с целью определения стратегии и тактики партии большевиков.

1. Великая...

Нельзя смешивать Февраль и Октябрь 1917 г. и, украв *величие* второго, превращать два совершенно разных исторических события в одну «Великую российскую революцию 1917 года». В Феврале 1917-го власть в России от слабохарактерного царя перешла к политически безвольной русской¹ буржуазии, для которой непреодолимой преградой стали

¹ Слово «русский» означает здесь не этническую характеристику людей, превращающуюся в отдельных случаях при капитализме в их национальность, а указание на происхождение России от Руси, в силу чего император многонациональной России назывался «русским царем», будучи одновременно «царем» 44 территорий империи, в 19-ти из которых доминирующим компонентом были люди определенной этнической принадлежности, что (по *царскому* велению) отражалось в названиях соответствующих территориальных образований.

те же «проклятые» вопросы русской жизни, о которые разбилась империя Романовых.

В истории капитализма только английская и французская буржуазия в дни своей молодости были по-настоящему революционной силой. Все прочие отряды национальной буржуазии, сталкиваясь в своих странах с пережитками феодализма, действовали нерешительно и непоследовательно. Маркс и Энгельс не раз писали о политической трусости немецких бюргеров середины XIX в. Чего уж тут говорить о российской буржуазии, которая в 1905 г. испугалась собственной демократической революции. Не успев родиться, она всем ходом предшествующей истории была обречена на то, чтобы быть не революционной, а консервативной силой. Именно политическое безволие привело в октябре 1917 г. к большевистской революции, которая не только решила жгучие вопросы войны и земли, но также открыла для *всего* человечества окно в другой, по-настоящему равноправный и справедливый мир, благодаря чему сразу стала Великой!

Французская революция 1789—1794 гг. тоже по праву считается и называется «Великой». Но величие величию — рознь. Французская революция является «великой» на фоне длинной череды *буржуазно-демократических* революций — от английской XVII в. до тех, которым еще предстоит случиться. И совсем другое дело *величие* Октября 1917 г., который вывел 100-миллионное население огромной России *за пределы* буржуазного мира. И с упразднением частной собственности и эксплуатации трудящегося большинства населения праздным меньшинством позволил впервые в истории построить лишенное классового *антагонизма* «советское общество» и *практически* доказать возможность более справедливой и человеческой организации общественной жизни.

2. Социалистическая...

Нередко поднимают связанный с СССР и его трагическим финалом вопрос: «Была ли Октябрьская революция социалистической?» Если не быть догматиком и рассматривать вопрос диалектически, то, конечно, была — но частично, не полностью. Октябрьская революция — детище не только истории России, тех острейших социально-экономических и политических проблем, которые не смогли решить ни царь, ни Временное правительство. Эта революция — *также* детище *международного социалистического* движения, за которым стояли накопленные к тому времени практика и теория революционного пролетариата. Без марксизма, Парижской коммуны, истории двух Интернационалов и постоянной борьбы внутри социализма революционного крыла с оппортунистическим большевистская революция была бы невозможна.

Поэтому не соглашусь с В. Третьяковым, когда он, подобно историку Булдакову, называет социалистическую мечту о бесклассовом обществе «утопией». У человечества сегодня, как и в годы Первой мировой войны, лишь два выхода из капкана капитализма: или преждевременно исчезнуть в очередной мировой войне из-за корыстных интересов буржуазии ведущих капиталистических стран, или положить конец существующему миропорядку. Третьяков желает защитить большевистский Октябрь

от либеральной лжи, но делает это не всегда последовательно. Подобно либералам, он также рассматривает Октябрь с *узконациональной* точки зрения, *вне* классовой борьбы и международного рабочего и социалистического движения, чем невольно делает уступку либерализму.

Именно благодаря Великому Октябрю впервые в виде СССР возникло так называемое *социальное государство*. Не то, которое продекларировано в Конституции постсоветской России, где нынешняя власть устанавливает нищенский прожиточный минимум, а средняя заработная плата в 10—15 раз меньше той, что (согласно принятому ими же закону) получают депутаты. И не то, что, *вопреки* социальной сущности буржуа, под давлением *примера* Советского Союза и борьбы трудящихся за свои социальные права уже несколько десятилетий на зыбкой частнособственнической основе строится в отдельных странах развитого капитализма. А то, где социальные права человека на труд, образование, медицинское обслуживание, жилье и отдых были *гарантированы* общественной собственностью на средства производства. В этом отношении, даже при всех негативных явлениях в истории СССР, Октябрьская революция явилась огромным завоеванием международного пролетариата и социализма.

То, чего не хотят признать противники Октября 1917 г. (в том числе из бывших «советских» людей, разными путями в период криминальной приватизации перебравшихся в разряд «имущих» и богатых), быстро поняли не только активные борцы за «освобождение труда», но и представители гуманитарной культуры. «Я особенно благодарен советской революции за то, — писал в 1937 г. американский писатель Т. Драйзер, — что она впервые остро поставила в мировом масштабе вопрос об имущих и неимущих. Советский Союз в 1917 году начал великий поход в защиту неимущих... Использовать труд, сельское хозяйство, промышленность, естественные богатства, технику, человеческие знания... на благо всех трудящихся, чтобы обеспечить всем зажиточную и культурную жизнь, — вот урок, который советская революция преподает остальному человечеству...» [14. С. 102]. Спустя 80 лет либеральная власть постсоветской России из опыта Октябрьской революции извлекает *для себя* совсем другие уроки и предлагает обществу согласиться с ней в поисках социального мира между имущими и неимущими.

3. Особенности «социалистического пути» России и Советская власть

Двумя особенностями, порождавшими невероятные трудности для развития Октябрьской революции и строительства социалистического общества, были: (а) преобладание крестьянского, по своему классовому положению мелкобуржуазного, населения над фабрично-заводскими пролетариями и (б) не получившая продолжения в те годы мировая коммунистическая революция, с победой которой большевики связывали надежды на успех Великого Октября. В итоге даже после победы в Гражданской войне и над Антантой они оказались в огромной, заселенной мелкобуржуазным, чуждым социализму людом и находившейся в окружении капиталистических государств стране.

В связи с этим либеральные идеологи любят вспоминать, что между Февралем и Октябрем 1917 г. Плеханов назидательно говорил: «Русская

история не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма». Однако Ленин знал это не хуже Плеханова. В апреле 1918 г. в «Очередных задачах Советской власти» он писал: «...Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc., etc. + + = социализм» [9. С. 550].

Плеханов был прав как либеральный интеллигент, а Ленин — как марксист, как пролетарский революционер, который, в отличие от Плеханова, помнил *материалистическую* заповедь Маркса и Энгельса: «История не делает ничего, она “не обладает *никаким* необъятным богатством”, она “не сражается *ни в каких* битвах”! Не “история”, а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется» [14. С. 102]. К тому же, в отличие от Плеханова, отгаликивавшегося от *русской* истории, Ленин рассуждал и действовал как представитель *международного* рабочего и социалистического движения.

Ждать, когда «история» испечет «пирог социализма» для сотен миллионов «униженных и оскорбленных» всей Земли, он, как и многие другие революционеры, включая вождей французской революции конца XVIII в., не мог. В то же время судить о том, насколько ясно он видел и точно оценивал сложившееся после Октября 1917 г. внутреннее и международное положение России, можно по написанной им брошюре «О “левом” ребячестве и о мелкобуржуазности». Вот лишь несколько выдержек из нее.

В связи с Брестским миром: «Пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить *международный империализм*, ...прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране, *не* принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собою *еще более* ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах» [б. С. 287].

В отношении лозунга «левых» о «решительном обобществлении»: «Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации. Но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире “решительности” для перехода *от* национализации и конфискации *к* обобществлению... Сегодня только слепые не видят, что мы больше национализировали, конфисковали, набили и наломали, *чем успели подсчитать*. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной “решительностью” без уменья правильно учесть и правильно распределить, *обобществить же без такого умения нельзя*» [б. С. 293—294].

О непонимании того, что переход к государственному капитализму в тех исторических условиях для Советской России был бы шагом вперед: «Во-первых, ...“левые коммунисты” не поняли, каков именно тот *переход* от капитализма к социализму, который дает нам право... называться социалистической республикой Советов. Во-вторых, они обнаруживают свою мелкобуржуазность именно тем, что *не видят* мелкобуржуазной

стихии как главного врага социализма у нас. В-третьих, выдвигая пугало “государственного капитализма”, они обнаруживают непонимание Советского государства в его экономическом отличии от буржуазного государства» [16. С. 295].

Об «экономическом отличии Советского государства от буржуазного»: «Неужели не ясно, что *в материальном*, экономическом, производственном смысле мы еще в “преддверии” социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое нами еще “преддверие”, в дверь социализма не войдешь?» [6. С. 303].

В марте 1919 г. Ленин писал: «Буржуазная демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т. е. диктатура пролетариата, напротив, построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства и замена территориальных избирательных округов производственными единицами» [10. С. 500].

Именно в Советах как форме *непосредственного* участия трудящихся в управлении своей жизнью он видел гарантию от реставрации капитализма, возможность которой не исключал. Выступая на VII экстренном съезде РКП(б) в марте 1918 г., Ленин говорил: «Думать, что нас не откинут назад, — утопия... При всяком откидывании назад, не отказываясь от буржуазного парламентаризма, — если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, — мы будем идти к тому, что опытом завоевано, — к Советской власти, к советскому типу государства, государства типа Парижской Коммуны» [10. С. 500].

4. СССР: мелкобуржуазный (партократически-бюрократический) «термидор». От Сталина до Ельцина

С самого начала большевистской революции главного врага социализма внутри страны Ленин распознал в «мелкобуржуазной стихии», от которой не были свободны даже его соратники, которые, как он писал, «и по знаниям, и по преданности стоят много, много выше *дюжинных* представителей одинаковой ошибки, именно, левых эсеров» [5. С. 54].

Когда после Гражданской войны началось строительство новой, свободной от эксплуатации человека человеком жизни, и Ленин увидел, что мелкобуржуазная стихия проникает (зачастую через членов РКП(б)) в органы Советов, он тут же повел борьбу с этой «заразой». И чем меньше из-за болезни у него оставалось сил, тем более прямой и требовательной была его речь. Он все чаще бичует «комчванство», «комвранье», бюрократизм. Знаменитое «Письмо к съезду», которое он начал диктовать в декабре 1922 г. через неделю после сильного приступа, начиналось словами: «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе» [6. С. 285].

Перемены в «политическом строе» (!) Советской России предполагали, кроме прочего, «чистку партии» от мелкобуржуазных элементов путем усиления рабочего контроля за ее деятельностью, вплоть до ЦК: «Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить

наш аппарат, который из рук вон плох. ...Несколько десятков рабочих, входя в ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием... аппарата. ...Рабочие, входящие в ЦК, должны быть... преимущественно не из тех..., которые прошли длинную советскую службу..., потому что в этих рабочих уже создались известные традиции..., с которыми именно желательно бороться» [7. С. 343].

Эти и другие политические «заветы» Ленина после его ухода из жизни были проигнорированы. Вместо «чистки партии» был объявлен «ленинский призыв», который лишь усилил ее мелкобуржуазную часть. Между оставшимися «вождями» большевистской партии началась (чего опасался Ленин) борьба за «первое место». Сталин организовал и возглавил походы против внутрипартийной оппозиции и ее разгром, что привело в конце концов к установлению им режима личной власти. Так в истории Октябрьской революции произошел *мелкобуржуазный* «термидор», который принял форму *партократического бюрократизма*.

В своей биографии (1929 г.) Л. Троцкий справедливо сравнил историю СССР второй половины 1920-х гг. с консервативным переворотом в революционной Франции после свержения Робеспьера 9 термидора. Чем дальше Великий Октябрь оставался позади, тем сильнее руководящий слой ВКП(б)—КПСС заражался бациллой мелкобуржуазности в виде бытового мещанства. Разумеется, это разлагало население страны, в сознании которого все более углублялась пропасть между официальной идеологией и реальностью. Как обычно, данное противоречие решилось в пользу бытия — на этот раз мелкобуржуазного, из которого со временем выросли «герои» Беловежья и реставраторы капитализма.

В 1967 г. к 50-летию большевистской революции крепкий советский марксист М. Лифшиц в статье «Нравственное значение Октябрьской революции», которая увидела свет лишь в начале перестройки, написал: «Чудес в истории не бывает, но в ней бывают великие повороты, иногда неожиданные и настолько богатые историческим содержанием, что они могут казаться настоящим чудом. Невыносимость мировой казармы создала в наши дни громадную массовую силу, пугающую обывателя и действительно чреватую большими бедами, если она не получит свободного выхода. Но эта сила является также великой надеждой человечества... Хотите видеть пример такого чуда? Взгляните на Октябрьскую революцию».

Литература

1. **Буддаков В.** От утопии к катастрофе: как Россия прельстилась революцией. — http://www.rbc.ru/opinions/politics/09/03/2017/58bec41e9a7947094e610fb9?from=on_subject (дата обращения: 09.03.2017).
2. Госстандарт: Февраль и Октябрь 1917 — теперь Великая российская революция. — <https://regnum.ru/news/polit/2245455.html> (дата обращения: 04.03.2017).
3. **Грей Дж.** Поминки по Просвещению. М., 2003.
4. Жириновский предупреждает об опасности хорошего образования. — <https://ria.ru/education/20121017/903400666.html> (дата обращения: 17.10.2012).

5. **Ленин В. И.** Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта 1918 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1962. Т. 36.
6. **Ленин В. И.** О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1962. Т. 36.
7. **Ленин В. И.** Письмо к съезду // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1964. Т. 45.
8. **Ленин В. И.** А. М. Горькому. 15 сентября 1919 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1965. Т. 51.
9. **Ленин В. И.** Планы статьи «Очередные задачи Советской власти // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1962. Т. 36.
10. **Ленин В. И.** Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта 1919 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1963. Т. 37.
11. **Маркс К.** Зигфриду Мейеру. 30 апреля 1867 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Издательство политической литературы, 1963. Т. 31.
12. **Маркс К.** Иосифу Вейдемейеру. 5 марта 1852 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Издательство политической литературы, 1962. Т. 28.
13. **Маркс К., Энгельс Ф.** Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Издательство политической литературы, 1955. Т. 4.
14. **Маркс К., Энгельс Ф.** Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Издательство политической литературы, 1955. Т. 2.
15. Мир о стране Октября. М., 1967. С. 37.
16. **Мухачев В. В.** История для Президента // Свободная Мысль. 2015. № 2.
17. **Мухачев В. В.** Трудные времена российского либерализма // Свободная Мысль. 2016. № 3.
18. Послание Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. — <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 01.12.2016).
19. **Путин В.** О наших экономических задачах // Ведомости. 2012. 30.01.
20. Россия плодит миллиардеров на фоне обнищания населения. — <http://www.finanz.ru/novosti/lichnyue-finansy/rossiya-plodit-milliarderov-na-fone-obnishchaniya-naseleniya-1001538712> (дата обращения: 22.11.2016).
21. **Снегирев В.** Смерть журналиста // Российская газета. 2017. 30.01.
22. 100-летие Октябрьской революции отметят вне политики. — <http://izvestia.ru/news/654909> (дата обращения: 28.12.2016).
23. **Третьяков В.** Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года. — <http://svpressa.ru/politic/article/165229/> (дата обращения: 29.01.2017).
24. **Хазин М.** Мировой прогноз на 2017 год. — <http://khazin.ru/articles/11-analitika-i-prognozu/29184-mirovoi-prognoz-na-2017-god> (дата обращения: 22.01.2017).
25. **Хазин М.** Прогноз для России на 2017 год. — <http://khazin.ru/articles/11-analitika-i-prognozu/29584-prognoz-dlja-rossii-na-2017-god> (дата обращения: 25.02.2017).
26. **Хомский Н.** Классовая война. М., 2003.
27. **Хомский Н.** Прибыль на людях. М., 2002.
28. Число трудовых бунтов выросло на треть. — <http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/chislo-trudovykh-buntov-v-rossii-vyroslo-na-tret-1001758709> (дата обращения: 16.02.2017). ◆